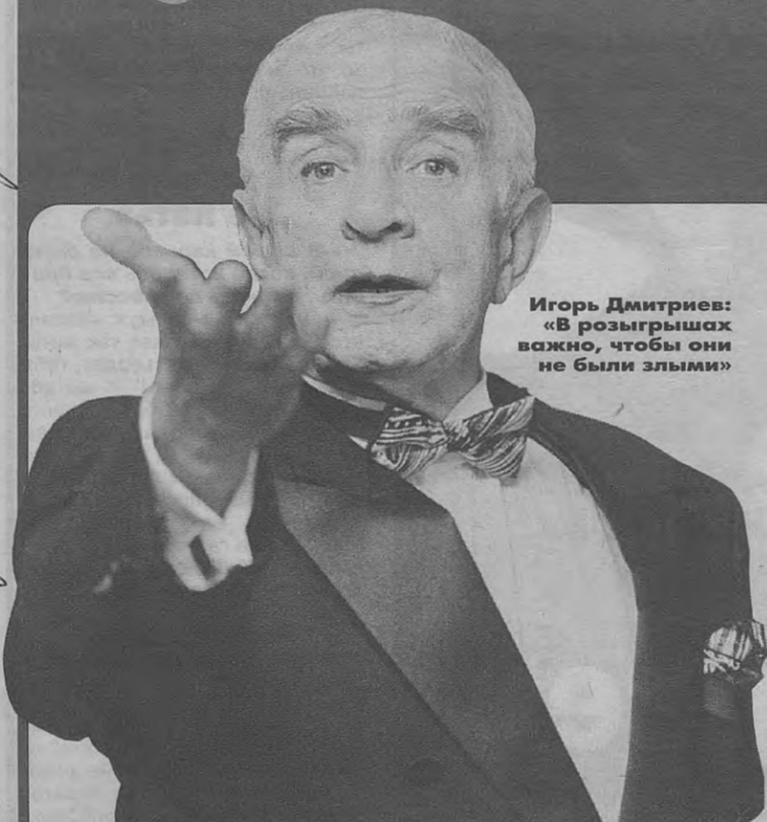

КАК «КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ» ЛОВИЛИ В ВОЛГЕ ОЧКИ АЛИСЫ ФРЕЙНДЛИХ

На сцене и в перерывах
между спектаклями Игорь Дмитриев
«жестоко» шутит
над прославленными артистами

Игорь Дмитриев:
«В розыгрышах
важно, чтобы они
не были злыми»

В ТЕАТРАЛЬНО-КИНОШНОМ мире обеих столиц давно уже ходят легенды о странном хобби народного артиста России Игоря Дмитриева. Он любит разыгрывать своих друзей.

- ЕСЛИ бывает хоть малейший повод разыграть кого-то, я не премину им воспользоваться, - хитро улыбаясь, признается Игорь Борисович. - Чаще это, конечно, происходит в свободное от работы время. Но случается, что и на сцене. За что я не раз был наказан. И поделом!

В розыгрышах важно, чтобы они не были злыми. Чтобы потом не было обид. Розыгрыш не должен нанести человеку ни морального, ни физического, ни материального ущерба. Подложить гвоздь на стул, когда человек садится, или испачкать ему костюм - это не розыгрыш, а хулиганство.

Понятно, что лучше один раз увидеть. Но если такой возможности нет, не плохо бы и услышать. И хорошо бы - из первых уст.

Сегодня любимый не одним поколением зрителей артист рассказывает читателям «Смены» о своих остроумных проказах.

Истерика вместо «Марсельезы»

Спектакль Театра имени Комиссаржевской «Битва за жизнь» о французском сопротивлении в годы Второй мировой войны. Я, молодой актер, играю подростка по имени Рамон. Мой герой - партизан. По сценарию Рамон спасает французский флаг и прячет у себя на груди под рубашкой. Погоня, стрельба. Смертельно раненный, Рамон добирается до дома и в бессознательном состоянии валится на стол. Родственники окружают умирающего. «Рамон, Рамон, мальчик мой...» - причитает актриса Куракина, которая играет мать. Она расстегивает окрова-

вленную рубашку и видит - флаг! «Рамон спас знамя!»

По замыслу режиссера на глазах у публики задник превращается в огромное трехцветное полотнище. Его колышет невидимые зрителю актеры. Финал. Все поют «Марсельезу»!

Зачем-то перед спектаклем я зашел в гримерную. Вижу, на столе лежит ворох рыжих курчавых волос, длинных - сантиметров шесть. Так называемое крепе. Спрашиваю гримера Клаву Лебедеву: «Что ты собираешься делать из этого крепе?» - «Бороду. Большую старообрядческую бороду для спектакля «В лесах». - «Клава, дай мне ненадолго крепе!» - «Зачем тебе?» - «Потом узнаешь».

Я наклеиваю крепе себе на грудь, прикрываю флагом. И - на сцену.

Родственники окружают умирающего мальчика. Куракина причитает: «Рамон, Рамон!» Расстегивает рубашку, вытаскивает флаг, а под флагом - обильная растительность! А ведь еще вчера была безволосая, почти мальчишеская грудь! Волосы, не будучи придавленными рубашкой, начинают распрямляться. Они шевелятся!

С Куракиной - истерика! У остальных: вначале - недоумение, потом - всеобщий хохот! Петь «Марсельезу» не может никто! Пришлось давать занавес. А на следующий день - приказ: объявить Дмитриеву Игорю Борисовичу выговор!..

«Будь здоров, Бальзаминов!»

На спектакле «Женитьба Бальзаминова» решил я разыграть Николая Боярского, Мишиного дядю. Полагаю, для него это был приятный розыгрыш.

Играем сцену «В чайной». Идет заговор между Чебаковым и Бальзаминовым о похищении девиц. Я - Бальзаминов, Боярский, естественно, Чебаков. На столе - самовар. Перед спектаклем я вместо чая в самовар на-

ливаю коньяк! Боярский открывает кранчик, наливает «чай» в блюдечко. Хорошо, что сразу не отлебнул, а поднес ко рту и своим опытным нюхом учуял, что в самоваре - не чай. И что он делает? Протягивает блюдечко: «Ну давай!» И мы чокаемся блюдечками на глазах у переполненного зрительного зала!..

Алиса Фрейндлих разочаровалась в «светлом будущем»

Алиса Фрейндлих только-только начала свою жизнь в театре. Театр имени Комиссаржевской гастролировал в городе Горьком. Из Горького мы совершали радиальные выезды с «малонаселенными» спектаклями в небольшие близлежащие города.

В Балахну мы привезли спектакль «Раскрытое окно». Доставили нас, как положено, за два часа до начала спектакля. Грима почти нет, костюмы - примитивные. Есть время прогуляться. Парк, Волга, лодочная станция. Берем с Алисой лодку напрокат и катаемся по Волге-матушке. Алиса в обновке - ей недавно подарили невысказанной красоты солнцезащитные очки. Склоняется она над водой, а очки возьми да соскользни в воду! Рас-

стройство, слезы!..

В Горьком мы живем не в гостиной, а на частных квартирах. Я призываю к себе сына своей хозяйки - двенадцатилетнего мальчугана: «Вова, напиши, пожалуйста, письмо». Я диктую, а он своим детским корявым почерком пишет: «Дорогая артистка, товарищ Фрейндлих! Мы, «красные следопыты» школы № 5 города Балахны, видели вас в спектакле «Раскрытое окно». Вы нам очень понравились, и вообще вы удивительная артистка! Мы узнали, что во время катания на лодке вы обронили в Волгу очки. Мы организовали поиск ваших очков. Ваши очки нашел Вова Пупкин, сын тети Кати, кассирши с дебаркадера «16-бис». Пошлите нам ваши очки и желаем новых творческих успехов!..»

Письмо было написано, дело оставалось за малым - найти очки. Отправляюсь на центральную улицу города - улицу Свердлова, в мастерскую по ремонту очков. В мастерской объясняю ситуацию: «Я артист, нам для спектакля нужны старенькие очки. Нет ли у вас каких-нибудь ненужных?» Мне говорят: «Посмотрите в ведре. Туда клиенты бросают очки, не подлежащие ремонту». Я копаюсь в ведре. Перебираю очки, ищу «самые-самые!» Вот! Старые, старушечьи. Со сломанной металлической дужкой, обмотанной изоляционной лентой, вместо нее - резинка для трусов.

Стекла в трещинах. «Можно?» - «Берите, берите! Все равно выбросим!»

Заворачиваю очки в бумагу, прикладываю письмо и упаковываю все это в конверт. Прошу администратора, отправляющегося в Балахну с афишами, отослать оттуда бандерольку. Мне важно, чтобы на конверте был штампель Балахны. Проходит два-три дня. Перед спектаклем актеры толкуются за кулисами. «Алиса, вам письмо!» - «Да?» - «Вскрывает конверт, читает: «Дорогая артистка, товарищ Фрейндлих! Мы, «красные следопыты»...» Алиса - в изумлении! «Смотрите, какие у нас дети! На дне Волги отыскали мои очки, прислали...» Разворачивает бумагу... «Что такое?.. Бред какой-то!..» Всеобщий хохот. Но история на этом не заканчивается.

На следующий день я вновь зову сына хозяйки: «Вова, пиши!» Диктую: «Дорогая артистка, товарищ Фрейндлих! Мы, «красные следопыты»... Мы очень ценим ваш талант... но должны признаться, что те очки, которые мы вам послали, это - не ваши очки, а очки кассирши тети Паши с дебаркадера «16-бис». А ваши очки мы еще не нашли. Поэтому мы вас просим: вышлите обратно тети Пашины очки по адресу: город Балахна, улица Советская, дом шесть...»

Привет от Мичурина

Оператор Эдуард Розовский в Нарвской крепости снимал картину «Дон Сезар де Базан». Когда я появился на съемочной площадке, он с камерой был на кра-не. Высоко над землей. В руках у меня сверток, сделанный из газеты.

- Эдик, я был на даче, - прокричал я ему. - Уезжая, взглянул через забор на твой огород. Ты не поверишь!..

Разворачиваю сверток и показываю две здоровенные морковки.

Над Розовским в Дубках посмеивались: «Ты по осени картошки меньше выкапываешь, чем весной сажает!» На что Эдик отшучивался: «Неправда! Сколько сажая - столько и выкапываю».

И вдруг на его участке уродилась такая шикарная морковь!

Розовский так обрадовался! Он объявил перерыв! Мол, нужно перезарядить камеру. Спустился с крана, чтобы руками потрогать плоды своих сельскохозяйственных трудов. Поскольку глазам своим не поверил. Но и после этого мне его еще долго пришлось убеждать, что морковь - с его дачного участка.

- Неужели ты думаешь, что я купил ее на Некрасовском рынке?! - возмущаюсь я, с указанием точного адреса, по которому специально заезжал, чтобы разыграть Розовского.

- Что ты, что ты, Игорь! Ну как же я могу тебе не верить!..

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото Владимира БЕРТОВА
и Сергея ТЯГИНА

Алиса Фрейндлих
была потрясена,
получив «свои»
очки бандеролью

16.07.2004
Дмитриев Игорь